

Маг. № 1035

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

НОВЫЙ РАЗКАЗЪ Г. ЧЕХОВА.

А. Чеховъ. Палата № 6. Русская Мысль. Ноябрь.

1.

Г. Чеховъ, безъ сомнѣнія, писатель не безъ дарованія. У него есть недурные маленькіе рассказы—что-то въ родѣ анекдотовъ, подчасъ мило и тонко написанныхъ. Въ своей повѣсти *Степь* онъ создалъ лицо отца Христофора, живое, жизненное и правдивое. Отецъ Христофоръ—типъ положительный и, конечно, большая заслуга правдиво воспроизвести такой типъ. Но этимъ дѣло и кончилось, на этомъ дарованіе г. Чехова какъ бы истощилось. Все что онъ писалъ послѣ было рѣшительно плохо, вычурно, придумано, безжизненно, какъ его повѣсти *Скучная Исторія* и *Жена*. Что же это значить? Намъ кажется что г. Чеховъ просто не умѣетъ пользоваться своимъ дарованіемъ. Есть что-то связывающее ему руки. Въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ и особенно въ самомъ послѣднемъ, *Палата № 6*, г. Чеховъ напоминаетъ человека который видѣлъ яркій и художественный сонъ, но не умѣетъ его разказать. Онъ дѣлаетъ усилія, но не можетъ вспомнить ничего, кромѣ голой и безжизненной сабулы сна, а краски, а тѣ черты которые придавали всему такую яркость и правдивость—все это исчезло, забылось, и разказчикъ только мучается, напрягаясь вспомнить это исчезнувшее и забытое...

Такое впечатлѣніе производитъ послѣднее произведеніе г. Чехова. Это остовъ, скелетъ, лишь одѣтый кожей, но лишенный красокъ живаго тѣла, блеска живыхъ глазъ, отражающихъ впечатлѣнія, скелетъ нѣмой, ничего не говорящій самъ, а лишь возбуждающій фантазію зрителя, которому хочется догадаться что же это было за человекъ, остова котораго онъ видитъ предъ собой, какъ онъ смотрѣлъ, какъ улыбался, въ чемъ состояли его радости и печали когда онъ былъ еще *нѣчто*, а не *ничто*.

Безъ сомнѣнія, въ дарованіи г. Чехова есть какой-то изъянъ который мѣшаетъ развернуться этому дарованію. Г. Чеховъ умѣетъ наблюдать и много наблюдалъ, можетъ-быть много и чувствовалъ, иныя впечатлѣнія ярко отражались въ его душѣ, какъ, напримѣръ, тѣ изъ которыхъ онъ создалъ образъ отца Христофора, а между тѣмъ, душой глухимъ и нѣмымъ вѣтъ отъ его послѣднихъ произведеній. Мнѣ кажется, это происходитъ оттого что г. Чеховъ никакъ не можетъ осмыслить своихъ собственныхъ наблюденій, чувствъ и впечатлѣній. Пока эти наблюденія, впечатлѣнія, чувства выливались самъ собой, какъ вода изъ переполненнаго сосуда, онъ писалъ свои маленькіе очень живые очерки, наконецъ написалъ отца Христофора, но какъ только г. Чеховъ сдѣлалъ попытку *мыслить*, такъ тотчасъ же все смѣшалось предъ нимъ, и не будучи въ силахъ осмыслить свои впечатлѣнія, наблюденія, чувства, онъ началъ сочинять, выдумывать одною головою. Эта головная работа дала обійей колоритъ его послѣднимъ произведеніямъ, и если въ нихъ проскальзываетъ время отъ времени что-нибудь живое, то не только помню воли автора, а прямо вопреки его намѣреніямъ. Могутъ подумать, будто я хочу сказать что адъсь мысль

мѣшаетъ непосредственному творчеству. Нѣтъ, не мысль, а недостатокъ мысли, слабость ея. Г. Чеховъ не мыслить, онъ только пытается мыслить, въ его мысли нѣтъ ясности, для него самого все спутано и темно. Конечно, одною мыслию, какъ бы она ни была ясна и глубока, нельзя зворить, но вѣдь и творчество, актъ безсознательный, все-таки есть результатъ долгой и упорной работы мысли. Только на *пламени труда*, какъ сказалъ Пушкинъ—на *пламени мысли* „кипитъ воображеніе“ и создаваемые имъ образы являющіеся не результатомъ разнузданной фантазіи или мимолетнаго каприза, а результатомъ вдохновенія, введеннаго въ предѣлы строгихъ художественныхъ требованій.

Міросозерцаніе г. Чехова слишкомъ неопредѣленно, мысль его слишкомъ слаба и разбросана, онъ самъ себѣ не можетъ дать отчета въ своихъ наблюденіяхъ, чувствахъ и впечатлѣніяхъ, и вотъ почему какъ только пытается взять дѣло поглубже, заглянуть дальше поверхности, такъ все у него срывается, и всѣ его наблюденія, чувства, впечатлѣнія не отливаются въ строгія и законченныя формы, а накаплиются какою-то бессмысленною грудой, въ которой не можетъ разобраться ни самъ авторъ, ни читатель.

Подтвержденіемъ всему сказанному служить и послѣдняя его повѣсть *Палата № 6*. Очевидно, г. Чеховъ хочетъ здѣсь заглянуть глубже поверхности жизни, для этого раскидываетъ и разбрасываетъ все что есть на поверхности, но до глубины все-таки добраться не можетъ.

II.

Въ повѣсти два главныхъ лица: докторъ Андрей Ефимовичъ, и заключенный въ городской больницѣ, въ палатѣ

№ 6, сумашедшій, Иванъ Дмитріевичъ Громовъ, бывший судебный приставъ.

Кончается дѣло тѣмъ что докторъ Андрей Ефимовичъ, тоже сойдя съ ума, попадаетъ въ ту же палату № 6, гдѣ сидитъ бывший его пациентъ, Иванъ Дмитріевичъ. Намъ надо ознакомиться съ этими лицами. Вотъ что авторъ разказываетъ объ Иванѣ Дмитріевичѣ:

„Онъ никогда, даже въ молодые студенческіе годы не производилъ впечатлѣнія здороваго. Всегда онъ былъ блѣденъ, худъ, подверженъ простудѣ, мало ѣлъ, дурно спалъ. Отъ одной рюмки вина у него кружилась голова и дѣлалась истерика. Его всегда тянуло къ людямъ, но, благодаря своему раздражительному характеру и мнительности, онъ ни съ кѣмъ близко не сходилъ и друзей не имѣлъ. О горожанахъ онъ всегда отзывался съ презрѣніемъ, говоря что ихъ грубое невѣжество и сонная животная жизнь кажутся ему мерзкими и отвратительными. Говорилъ онъ теноромъ, громко, горячо и не иначе какъ негодуя и возмущаясь, или съ восторгомъ и удивленіемъ, и всегда искренно. О чемъ, бывало, ни заговоришь съ нимъ, онъ все сводитъ къ одному: въ городѣ душно и скучно жить, у общества нѣтъ высшихъ интересовъ, оно ведетъ тусклую, бессмысленную жизнь, разнообразія ее насиліемъ, грубымъ развратомъ и лицемеріемъ; подлецы сыты и одѣты, а честные питаются крохами; нужны школа, мѣстная газета съ честнымъ направленіемъ, театръ, публичныя чтенія, сплоченность интеллигентныхъ силъ; нужно чтобы общество сознало себя и ужаснулось. Въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ онъ владелъ густыми красками, только бѣлую и черную, не признавая никакихъ оттѣнковъ; человечество дѣлилось у него на честныхъ и подлецовъ; середины же не

было. О женщинах и любви онъ всегда говорилъ страстно, съ восторгомъ, но ни разу не былъ влюбленъ.

„Въ городѣ, несмотря на рѣзкость его суждений и нервность, его любили и за глаза ласково называли Ваней. Его врожденная деликатность, услужливость, порядочность, нравственная чистота и его попошенный сюртучекъ, болѣзненный видъ и семейныя несчастья внушали хорошее, теплое и грустное чувство; къ тому же, онъ былъ хорошо образованъ и начитанъ, зналъ, по мнѣнью горожанъ, все и былъ въ городѣ чѣмъ-то въ родѣ ходячаго справочнаго словаря. Читалъ онъ очень много. Бывало, все сидитъ въ клубѣ, нервно теребитъ бороду и перелистываетъ журналы и книги; и по лицу его видно что онъ не читаетъ, а лопастъ, едва успѣвъ разжевать. Надо думать что чтеніе было одною изъ его болѣзненныхъ привычекъ, такъ какъ онъ съ одинаковою жадностью набрасывался на все что попадало ему подъ руки, даже на прошлогоднія газеты и календары. Дома у себя читалъ онъ всегда лежа.“

Таковъ былъ Ивапъ Дмитріевичъ въ здоровомъ состояніи. Затѣмъ онъ сошелъ съ ума, пнъ овладѣла „манія преслѣдованія“ и его заключили въ палату № 6.

Докторъ Андрей Ефимовичъ повидному человекъ иного рода. Вотъ что узнаемъ мы о немъ отъ автора.

„Докторъ Андрей Ефимовичъ Рагинъ замѣчательный человекъ въ своемъ родѣ. Говорятъ что въ ранней молодости онъ былъ очень набоженъ и готовилъ себя къ духовной карьерѣ и что, кончивъ въ 1863 году курсъ въ гимназій, онъ намѣревался поступить въ духовную академію, но будто бы его отецъ,

докторъ медицины и хирургъ, ѣдко посмѣялся надъ пнъ и заявилъ категорически что не будетъ считать его своимъ сыномъ, если онъ пойдетъ въ поны. Насколько это вѣрно, не знаю, но самъ Андрей Ефимовичъ не разъ признавался что онъ никогда не чувствовалъ призванія къ медицинѣ и вообще къ спеціальнымъ наукамъ.

„Какъ бы то ни было, кончивъ курсъ по медицинскому факультету, онъ во священника не постригся. Набожности онъ не проявлялъ и на духовную особу въ началѣ своей врачебной карьеры походить такъ же мало, какъ теперь.“

Правъ Андрей Ефимовичъ пнѣтъ очень странный.

„Андрей Ефимовичъ чрезвычайно любить умъ и честность, но чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватаетъ характера и вѣры въ свое право. Приказывать, запрещать и настаивать онъ положительно не умеетъ. Похоже на то, какъ будто онъ далъ обѣтъ никогда не возвышать голоса и не употреблять повелительнаго наклоненія. Сказать „дай“ или „принеси“ ему трудно; когда ему хочется ѣсть, онъ нерѣшительно покашливаетъ и говоритъ кухаркѣ: „Какъ бы мнѣ чаю...“ или: „Какъ бы мнѣ пообѣдать“. Сказать же смотрителю, чтобы онъ не рѣсталь красть или прогнать его, или совсѣмъ упразднить эту ненужную паразитную должность—для него совершенно не подь силу. Когда обманываютъ Андреа Ефимовича или лѣстятъ ему или подносятъ для подписи завѣдомыя поддѣй счеты, то онъ краснѣетъ, какъ ракъ, и чувствуетъ себя виноватымъ по счету, все-таки, подписываетъ; когда больные жалуются ему на голодъ или на грубые сидѣлокъ, онъ кончается и виновато бормочетъ: „Хорошо“.

хорошо, я разберу послѣ... Вероятно тутъ недоразумѣніе“...“

Къ должности своей Андрей Еениновичъ сперва относился очень горячо, много работалъ, но потомъ повелъ дѣло, какъ говорится, свуста рукава, однако не просто свуста рукава, а такъ - сказать, философски. Онъ думалъ, вонервыхъ, что невозможно при жалкихъ условіяхъ въ которыхъ находится больница вести дѣло какъ слѣдуетъ, а, вторыхъ, онъ разсуждалъ еще и слѣдующимъ образомъ:

„Да и къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Чтѣ изъ того, если какой-нибудь торгошъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ что лѣкарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Вонервыхъ, говорятъ что страданія ведутъ человека къ совершенству, а, вторыхъ, если человѣчество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно заброситъ религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье. Пушкинъ прекъ смертію испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; почему же не поболѣть какому-нибудь Андрею Еенивичу или Матрени Савиши, жизнь которыхъ безсодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амобы, еслибы не страданія? Подавляемый таинными разсужденіями, Андрей Еенивичъ опустилъ руки и сталъ ходить въ больницу не каждый день.“

Такъ разсуждалъ Андрей Еениновичъ. Однако, хотя онъ упоминалъ о религіи, но религіозенъ не былъ. Мирозозерца-

ніе свое Андрей Еениновичъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Мнѣ часто снится умные люди и бесѣды съ ними“, говоритъ онъ своему другу Михаилу Аверьяновичу. — „Мой отецъ далъ мнѣ прекрасное образованіе, но подъ вліяніемъ идей шестидесятыхъ годовъ заставилъ меня сдѣлаться врачомъ. Мнѣ кажется что еслибы я тогда не послушалъ его, то теперь я находился бы въ самомъ центрѣ умственнаго движенія. Вероятно былъ бы членомъ какаго-нибудь факультета. Конечно, умъ тоже не вѣченъ и преходящъ, но вы уже знаете, почему я питаю къ нему склонность. Жизнь есть досадная ловушка. Когда мыслящій человекъ достигаетъ возмужалости и приходитъ въ зрѣлое сознаніе, то онъ невольно чувствуетъ себя какъ бы въ ловушкѣ, изъ которой нѣтъ выхода. Въ самомъ дѣлѣ, противъ его воли вызванъ онъ какими-то случайностями изъ небытія къ жизни... Зачѣмъ? Хочетъ онъ узнать смыслъ и цѣль своего существованія, ему не говорить или же говорить нехотятъ; онъ стучится—ему не открываютъ; къ нему приходитъ смерть—тоже противъ его воли. И вотъ, какъ въ тюрьмѣ, люди, связанные общимъ несчастіемъ, чувствуютъ себя легче, когда сходятся видѣть, такъ и въ жизни не замѣчаешь ловушки, когда люди, склонные къ анализу и обобщеніямъ, сходятся видѣть и проводятъ время въ общій гордыхъ, свободныхъ идей. Въ этомъ смыслѣ умъ есть наслажденіе незамѣнимое.“

Такъ разговаривалъ Андрей Еениновичъ со своимъ другомъ почтмейстеромъ. И когда почтмейстеръ спросилъ: „А вы не вѣрите въ бессмертіе души?“ Андрей Еениновичъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, уважаемый Михаилъ Аверьяновичъ, не вѣрю, и не имѣю основаній вѣрить.“

III.

Таковы два лица изображенные въ повѣсти г. Чехова. Оба они проживаютъ въ губернскомъ городѣ, обоихъ окружаютъ, по свидѣтельству автора, пошлыя лица и пошлая жизнь, ихъ не удовлетворяющая; оба они сходятъ съ ума. Иванъ Дмитріевичъ буквально сходитъ съ ума, имъ овладѣваетъ манія преслѣдованія, Андрей Ефимовичъ, собственно говоря, съ ума не сходитъ, онъ просто впадаетъ въ апатію, въ подавленное состояніе духа, а услужливые его пріятели принимаютъ это за сумашествіе, сажаютъ его въ палату № 6, гдѣ онъ и умираетъ.

Чего же хотѣли Иванъ Дмитріевичъ и Андрей Ефимовичъ, что могло ихъ удовлетворить?

Иванъ Дмитріевичъ хотѣлъ чтобы въ городѣ былъ театръ, бібліотека и „интеллигенція“. Андрей Ефимовичъ,—чтобы вся его судьба повернулась иначе, чтобы онъ былъ не врачомъ, а профессоромъ и могъ бы „проводить время въ обмѣнъ гордыхъ и свободныхъ идей“.

Такъ поставлено дѣло.

Но изъ разказа самого автора мы видимъ что Иванъ Дмитріевичъ человѣкъ совершенно ограниченный, хотя съ недурнымъ сердцемъ и съ зачатками доброты и великодушія. Онъ настолько ограниченъ что, имѣя страсть къ чтенію, не можетъ понимать что читаетъ, „а глотаетъ все не разжевывая“. Что же его погубило? А вотъ то что разжевало его ограниченный умъ, вставило его, неспособнаго мыслить, дѣлать усилія чтобы мыслить о вещахъ ему недоступныхъ. Эти усилія не привели его ни къ чему, вмѣсто мысли онъ схватывалъ слова, но теоретически раздражали его сердце, истощали его нравственный организмъ, измучили его умъ до того что онъ помутился.

Погубило его именно то, чего онъ желалъ для своего города, погубило его образованіе, распространяемое во что бы то ни стало, на почтовыхъ, и какое бы то ни было, погубило его это современное стремленіе заставить мыслить всѣхъ, обо всемъ и о томъ, о чемъ многіе, огромное большинство, не могутъ мыслить по ограниченности своего ума. Это стремленіе отражается двумя результатами: или оно губитъ такихъ людей, какъ Иванъ Дмитріевичъ, людей ограниченныхъ, но искреннихъ по природѣ, деликатныхъ и добродушныхъ, или создаетъ множество пошляковъ съ заученною „общинтелигентною“ фразеологіей, безмысленною и пошлою, пошляковъ, какихъ мы теперь встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ вездѣ, начиная отъ такихъ глухихъ угловъ, какой описанъ въ повѣсти г. Чехова, и до разныхъ столичныхъ „центровъ цивилизації“. И вотъ въ этихъ-то „центрахъ“ такихъ пошляковъ еще болѣе, ибо они скопляются вокругъ разныхъ своихъ руководителей и наставниковъ.

Таковъ смыслъ судьбы Ивана Дмитріевича. Онъ жертва современной торопливости и суетливости, жертва современной пошлой фразеологіи, истиннаго смысла которой, по своей умственной ограниченности, онъ не могъ понять.

Что же представляетъ собою Андрей Ефимовичъ, отчего погибъ онъ?

Въ сущности отъ того же самаго, отъ чего и Иванъ Дмитріевичъ, только на иной ладъ. Онъ—по натурѣ мягкій, робкій и скромный человѣкъ. Послѣдуй онъ настроенію своей ранней юности, изъ него вышелъ бы хорошій священникъ, а върѣе—монахъ. Но это настроеніе было въ немъ разрушено влѣніями времени. Потерявъ религіозное чувство, которое, вслѣдствіе умственной

ограниченности, вследствие нравственнаго слабосилія своей природы, онъ не могъ осмыслить свою растревоженною мыслию, онъ сталъ философствовать. Это понятно. По натурѣ Андрей Еюмовичъ склоненъ къ созерцанію. Но его мысль слишкомъ слаба чтобы философствовать правильно. И онъ сталъ философствовать неправильно. Безсознательно для самого себя онъ своею философскою только оправдываетъ свои личныя настроенія. Когда оставшееся все таки въ душѣ его нравственное чувство подсказывало ему что онъ не правъ, онъ свои безнравственныя дѣяствія оправдываетъ философствованіемъ. Ему не хочется возиться съ большими, по слабости своей природы онъ не можетъ бороться съ злоупотребленіями, съ которыми долженъ бороться изъ сознанія долга, и вотъ онъ, чтобы заглушить голосъ совѣсти, философствуетъ. Онъ начинаетъ укрывать себя что незачѣмъ мѣшать людямъ умирать, незачѣмъ уголять и облегчать человѣческія страданія, что незачѣмъ бороться съ тѣмъ зломъ, съ которымъ онъ обязанъ бороться. Эти философствованія наваливаются на его совѣсть такимъ гнетомъ что она замираетъ. Совѣсть-то замерла, но нервная впечатлительность осталась, и вотъ эта нервная впечатлительность, не находящая себя ни въ чемъ исхода, какъ болѣзнь, обратилась внутрь, и довела Андрея Еюмовича до апатій, до того подавленнаго состоянія духа, которое окружающіе приписали за сумашествіе...
Что же погубило Андрея Еюмовича? Да именно то самое чего онъ желалъ. Онъ желалъ „проводить время въ обмѣнѣ гордыхъ и свободныхъ идей“. Онъ видитъ и причину своихъ несчастій, неудачу своей жизни именно въ томъ что не можетъ такъ проводить время. Но онъ глубоко шибается. Еслибъ онъ

имѣлъ возможность проводить время въ обмѣнѣ „гордыхъ и свободныхъ идей“, то дѣло кончилось бы точно такъ же: апатіей и подавленностію. Назначеніе человека заключается въ томъ чтобы жить духовною жизнью, и если человекъ уклоняется отъ своего назначенія, если его душа не живетъ, то-есть не борется, не страдаетъ, стремясь къ нравственному усовершенствованію, то человекъ непременно и неизбежно, по непрехожному закону жизни, начинаетъ нравственно умирать и кончаетъ нравственною смертію, какъ кончилъ Андрей Еюмовичъ. И еслибъ онъ имѣлъ случай и возможность предаваться обмѣну „гордыхъ и свободныхъ идей“, то-есть разговорамъ о разныхъ высокихъ матеріяхъ, то кончилъ бы тѣмъ же, то-есть нравственною смертію. Потому что въ этихъ разговорахъ о высокихъ матеріяхъ нѣтъ жизни, а всего только суррогатъ жизни, эти разговоры именно есть тотъ камень который теперь такъ часто подаютъ просящимъ хлѣба. Ему, съ самой юности, когда онъ просилъ хлѣба, подали этотъ камень, и онъ всю жизнь носилъ его съ собою, считая его хлѣбомъ и думая что не можетъ насытиться этимъ хлѣбомъ только потому что не имѣетъ соотрапезниковъ...

Таковъ смыслъ дѣлъ лицъ выведенныхъ въ повѣсти г. Чехова. Но тамъ этотъ смыслъ затененъ неяснымъ отношеніемъ къ этимъ лицамъ самого автора и неясностью изображенія.

Повѣсть г. Чехова во многихъ отношеніяхъ замѣчательна — замѣчательна не какъ художественное изображеніе современности, а какъ нѣкоторый само-томъ ея. Я не успѣлъ здѣсь высказать всего что можно и должно было сказать объ этой повѣсти и потому постараюсь возвратиться къ ней въ другой разъ.

Ю. НИКОЛАЕВЪ.

№ 92 ч
→ В. Я. М. В.
1893 г. не
выбрана
сидящая?